

И. МАТЛЪ

ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ И ЕЕ ОТЛИЧИЕ ОТ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

Наш юбиляр Павел Наумович Берков в своих многочисленных исследованиях осветил генетические и структурные, идеологические и стилистические проблемы русской эпохи Просвещения, а также связи и отношения русского Просвещения с идейными и литературными явлениями эпохи Просвещения у западноевропейских народов. Я не осмеливаюсь и не считаю себя компетентным добавить к этому что-либо новое. В нижеследующих замечаниях, базирующихся на моей долголетней работе в области истории культуры и литературы славянских народов, я хочу только развить мысль, высказанную П. Н. Берковым в его работе об основных вопросах изучения русского просветительства.¹

Мы руководствуемся тем положением, что новые представления о значении светского, экономического и технического образования для прогресса и счастья отдельных людей и человеческого общества, т. е. вера в образование и прогресс наряду с идеалом гуманности и терпимости, так называемая духовно-историческая доминанта, определяют характер движения Просвещения всех славянских народов — напомним только девиз великого хорватского просветителя И. И. Штротмайера (1815—1905) «*Prosvjetom k slobodi*» — и сказываются до второй половины XIX в., хотя у отдельных славянских народов это возникает с большим запозданием. Далее мы исходим из того явления, что в возникших в эту эпоху, в результате этой убежденности в силе образования, школах, академиях, общественных объединениях, в литературе и журналах начала утверждаться вера в разум (*ratio*), в гуманное решение социальных, экономических и религиозных вопросов. Эта вера создала новую историческую силу, представленную новыми

¹ П. Н. Берков. Основные вопросы изучения русского просветительства. — В кн.: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 22—23.

прогрессивными и деятельными носителями образования, дворянского, церковного и мещанского происхождения, — силу, проявляющуюся у всех славян, хотя и в разной степени. Ведь в конечном итоге стремятся к одной и той же цели все: болгары отец Паисий, Софрони Врачанский, серб Доситей Обрадович, хорватский епископ Максимилиан Врховац, славонец Матия Релькович, поляк Станислав Конарский, чешские пиаристы, участники петровских реформ и М. В. Ломоносов.

Если поставить вопрос о степени воздействия различных факторов, государственных, церковных, общественных, идеологических и специфически литературных, то наблюдаются, однако, у отдельных славян некоторые различия. То, что во время «просвещенного абсолютизма» государство, т. е. государственная инициатива государя и его советников в области построения новой системы образования, театра и т. д., играло решающую роль, совершенно понятно. Это относится как к России во время царствования Петра Великого и императриц, так и к Польше при короле Августе Понятовском, а также к государству Габсбургов и тем самым к австрийским славянам при императрице Марии-Терезии и императоре Иосифе II. В этих странах были созданы учреждения, явившиеся предпосылкой повышения и расширения образования и, тем самым, создания кадров с высшим образованием: в России учреждение Академии наук, Сухопутного шляхетного корпуса, университета и петровской гимназии, в Польше — *Komisje Edukacji Narodowej 1775 г.*, в Австрии — школьные реформы Фельбигера и реформа Венского университета (проведенная советником императрицы Ван-Свитеном). Разница, однако, заключается в том, что в Польше и Австрии уже до этого существовал целый ряд высших учебных заведений (университеты в Праге, Кракове, Вене, иезуитские академии в Граце и Тирнаве и т. д.), далее учебные заведения гимназического типа, прежде всего в монастырях, так что здесь понадобилась только перестройка самой постановки образования в духе Просвещения. Существенная разница была еще и в том, что школьная реформа, осуществленная по личной инициативе императрицы Марии-Терезии, использованная Екатериной II через посредство Янковича де Мириево, получила более широкое распространение, чем в России, у западных славян, прежде всего у чехов, словенцев и хорватов, проживавших около военной границы (австрийской), охватив также народные, средние и профессиональные школы.²

² Подробнее см.: J. Matl. Die Leistungen der thesesianisch-josephinischen Schulreform für den Kulturfortschritt der Südslaven. In: Österreich in Geschichte und Literatur. 200 Jahre österreichischer Unterrichtsverwaltung, 4 Jahrgang, Wien, 1960, стр. 15—21. Herausgeber: Arbeitskreis für österreichische Geschichte. О Славонии см.: Tomo Matić. Prosvjetni i književni rad u Slavoniji prije preporoda. — Djela Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti knjiga XLI, Zagreb, 1945, стр. 1—174. О реформах, проведенных позднее в духе иозефи-

В настоящее время мы знаем на основании документов, что благодаря личной инициативе и активности императрицы Марии-Терезии (начиная с 1751 г.) и ее советника аббата Фельбигера (начиная с 1774 г.) на словенской территории Крайны, Штирии, Каринтии и Горичцы народное просвещение сделало большие успехи, несмотря на безразличие помещиков-дворян и большинства духовенства. В отношении же Хорватии, Славонии, Приморского края и военной границы послушаем мнение королевского школьного инспектора, хорвата Антуна Цувая: «*Za školstvo nastadoše bolja vremena s caricom i kraljicom Marijom Terezijom. Kao brižna majka svojih naroda zauzimala se ona živo za prosvjetu puka znajući, da je prosvjeta temelj sreći naroda. Za blagopokojne kraljice Marije Terezije osnovana je u Zagrebu „Academia scientiarum“ s odjelom juridičkim i filozofskim. To je dulje vremena bio jedini viši učevni zavod u Hrvatskoj*».³

Фельбигер облегчил работу иллирской придворной депутации (ilirskoj dvorskoj deputaciji), так как вокруг него собралось несколько сербов, которые своими советами помогали упомянутой депутации. Деятельность Фельбигера в Австрии имеет большое значение как для всех народов этой империи, так и для сербов, тем более, что Фельбигер был учителем тех сербов, которые были выбраны первыми инспекторами сербских начальных (народных) школ.

Терезиано-йозефинская школьная реформа непосредственно дала плоды, однако, только у словенцев, хорватов в Хорватии, Славонии и Далмации, у хорватов и сербов около военной границы («vojna granica», «Militärgrenze»), у сербов, проживавших севернее Дуная (благодаря «iliričeskoj dvorskoj deputaciji i iliričeskom regulamentu» 1769 г.); в Сербии она получила развитие только тогда, когда Доситей Обрадович начал руководить школьным образованием и проводить в жизнь идеи Просвещения.⁴

При этом надо иметь в виду, что под влиянием йозефинских учебных заведений, семинарий и университетов сформировался новый тип либерально-просвещенного австрийского чиновника и

низма эрцгерцогом Иоганном, см.: J. Matl. Leistung und Bedeutung Erzherzog Johanns für den national-kulturellen Fortschritt der Slovenen und Kroaten. — В кн. Südostforschungen Internationale Zeitschrift für Geschichte, Kultur und Landeskunde Südosteuropas. Im Auftrag des Südost-Instituts München, geleitet und herausgegeben von Mathias Bernath, Band XXII. München, 1963, стр. 356—376.

³ Antun Cuvaj. Cradja za povijest školstva kraljevina Hrvatske i Slavonije od najstarijih vremena do danas, kn. I. Zagreb, 1907, стр. 288, 408, 466, 469.

⁴ О значении и влиянии Д. Обрадовича см. новую и исчерпывающую работу М. Костица: Доситеј Обрадовић у историјској перспективи XVIII и XIX века. Српска академија наука, посебна издања, књига СХС; историски институт, књига 2, Београд, 1952, стр. 36 и сл., 72 и сл., 111, 253 и сл. Что касается Просвещения в сфере австрийского йозефинизма, см.: J. Matl. Europa und die Slaven. Verlag Otto Harrassowitz, Wiesbaden, 1964, стр. 216, 217, 221 и сл., 255 и сл., 246 и сл.

клирика, так называемого «йозефиниста»: «йозефинизм» в течение всего XIX в. вплоть до настоящего времени формировал как высшее чиновничество, так и интеллигенцию и часть духовенства, не только у австрийских немцев, но и у австрийских славян. Большинство прогрессивной, примирительной, толерантной интеллигенции было «йозефинистическим». Кроме школы, государство использовало также созданный им театр и свое влияние на его репертуар в целях распространения идей Просвещения, образования, гуманности и терпимости как в России, так и в Польше, где, однако, играли роль театры магнатов (например, Радзивиллов и Ржевуского), а в Австрии долгое время Вена наряду с Прагой и Будапештом оказывали эффективное влияние на репертуар и стиль провинциальных любительских театров в славянских странах.

Что касается церкви как одного из факторов Просвещения, то речь может идти не о церковном руководстве как таковом, в котором, как правило, преобладали консервативные силы, настроенные против просветительных идей (Петра Великого в этих кругах называли антихристом!), но об отдельных церковных руководителях и духовных лицах, которые положительно относились к реформистским стремлениям Просвещения в области образования, таких, как Феофан Прокопович, эрландский архиепископ Игнаций Красицкий, люблянский епископ Карл граф Герберштейн, загребский епископ Максимилиан Врховац. Положительно относились к Просвещению и представители некоторых религиозных течений: пиетисты у протестантов, действовавшие и среди русских, словаков и сербов, янсенисты у католиков, имевшие влияние среди чехов и словенцев,⁵ а также пиаристы среди западных и южных славян.

Мне кажется, что разница между русским и западно- и южнославянским просветительным движением заключается в том, что распространение и внедрение идей Просвещения у последних в большей мере, чем в России, осуществлялось духовенством: пиаристами в Польше и Богемии, сербскими епископами в Темишваре Вичентием Ивановичем Видаком и Петаром Петровичем. То же самое можно сказать о словенцах и позднее о болгарях.

Таким образом, мы переходим к общественно-структурным различиям: в России и в Польше преобладает прогрессивно настроенное дворянство в качестве носителя идей Просвещения; в Богемии, наряду с культурными деятелями дворянского происхождения, как например барон фон Петраш, основатель *Societas incognitorum*, графы Франц и Каспар фон Штернберг, мы находим целый ряд представителей интеллигенции недворянского проис-

⁵ О распространении янсенизма в Австрии см.: H. Roßler, Prinz Eugen, Österreich und Südosten. — В кн.: Südostdeutsches Archiv. Herausgegeben von Harold Steinacker. (Verlag R. Oldenbourg), Bd. VII, München, 1964, стр. 61 и сл.

хождения, как например проф. Г. Сейбт, А. Г. Мейснер, И. Штеплинг.

У словенцев, где дворянство, а также население городов большей частью было немецкое, новые национальные цели в области образования вплоть до середины XIX в. осуществлялись в основном только духовенством (В. Водник, М. Похлин, О. Гутсманн, Л. Фолькмер, М. Кузмич, И. Япель, П. Данько, А. Кремпл, епископ Сломшек), если не считать барона Жига Зойса и тех дворян, которые по поручению императрицы Марии-Терезии руководили организацией просветительства, как например граф И. Н. Эдлинг в Крайне, граф Эмануэль Торрес в Горице, Триесте, Каринтии, Крайне и Штирии.

У хорватов рано сложилось другое положение, поскольку дворяне, принадлежавшие к древнему хорватскому национальному дворянству, как например граф Ив. Патачич, И. Драшкович, М. Пеячевич, не говоря уже о духовенстве (Ив. Крижманич, Тито Брезовачки, Ад. Крчелич, епископ И. Гальюф и епископ М. Врховац), поддерживали йозефинские реформистские мероприятия. В районах военной границы положительно относились к реформам прежде всего высшие австрийские офицеры дворянского происхождения, такие, как барон Клеефельд, генералы барон Бек и Микашинович, местные молодые офицеры, как М. Релькович.

Сербы, проживавшие в Воеводине, носители идей Просвещения и реформистских стремлений, по социальному происхождению принадлежали к буржуазии, богатому купечеству.⁶ Эти купеческие буржуазные, а также офицерские круги наряду с прогрессивными представителями духовенства (епископы В. И. Видак и П. Петрович), далее светские педагоги и ученики Фельбигера Т. Янкович Иванович, Ст. Вуяновский, А. Мразович и другие и, наконец, бароны Текели и Раячич активно поддерживали реформы в области образования, начало которым было положено графом Францем-Ксавером Колером и австрийскими императорами, создавали культурные учреждения (*zadužbine*), печатали книги и сами их распространяли во время своих торговых путешествий и т. д.

Важную роль в распространении идей просвещения, гуманности, терпимости в эпоху Просвещения и у славян играли масоны, так как ложи в России и Польше, а также в Богемии и Хорватии охватывали большую часть руководящего слоя дворянства, офицерства, чиновничества и духовенства (например, католический епископ Врховац, сербский православный митрополит И. Стратимирович). Я не вижу существенных различий в судьбах масонства у разных славянских народов, за исключением того, при каких обстоятельствах и когда деятельность масонов была запре-

⁶ Подробности об этом см.: М. Костић. Граф Колер као културно просветни реформатор код Срба у Угарској XVIII веку. Српска краљевска академија, посебна издања VXXXVIII, књига 20, Београд, 1932, стр. 1—206.

щена. Особый характер имела деятельность польских тайных обществ масонов и карбонариев, связанных с национально-революционным движением.

В какой мере можно предположить у других славян существование самостоятельного литературного масонского направления, подобного тому, которое указал П. Н. Сакулин в русской литературе, остается для меня открытым вопросом.

Ход развития Просвещения в Болгарии представляет собой исключение и среди славянских народов; это объясняется не только запозданием, вследствие крайне тяжелых условий развития из-за господства и угнетения со стороны чужого государства — османского и чужой церкви — греческой, но и отсутствием национальной государственной и церковной иерархии, как фактора, способствующего прогрессивному движению в области просветительства. Это запоздание объясняется тем, что идеи Просвещения проникали в Болгарию извне, окольными путями, через группы болгарских эмигрантов в Румынии, Венгрии, России; они проникали из России в Болгарию непосредственным образом или окольными путями через Афон или из идеологически прогрессивных греческих просветительных центров в Янине, Афинах, Царьграде или из «немецкой земли» — «nemska zemlja» (Австрия), т. е. через сербское патриаршество в Карловцах (Паисий 1761 г.) и из Сербии (Иован Раич, Доситей Обрадович), причем этому процессу содействовали и отдельные болгарские купцы. Наконец, своеобразие Просвещения в Болгарии объясняется тем, что вплоть до середины XIX в. эти идеи распространялись священниками и учителями как идеи революции.⁷

Что же касается идеологического содержания Просвещения у славян, то точно установлено, что решающим духовным импульсом явилось французское и немецкое Просвещение: энциклопедисты (Вольтер, Дидро, Монтескье, Гельвеций) так же, как и Лейбниц, Вольф, Готшед, Пуфендорф и др. Отличия у отдельных славянских народов заключаются в размере и глубине влияния, а также в посредничестве таких культурных центров, как Вена, Прага, Братислава. В то время как на Россию и Польшу французская философия Просвещения оказывала непосредственное влияние и охватила высший социальный слой (причем и немецкая философия Просвещения, и созданная в этом духе художественная литература поступала во французских переводах), в Австрии, несмотря на то что там в XVIII в. среди культурных слоев общества знание французского языка было широко распространено, идеи Просвещения доходили только после того, как они были подвергнуты переделке в духе австрийского йозефинизма, т. е. в немецких переводах и обработках (за исключением Далмации, где

⁷ О влиянии греческих культурных центров просветительства см.: М. Арнаудов. Гръцка и българска просвета въ началото на XIX векъ — Българска историческа библиотека, I, 3, София, 1928, стр. 156, 157.

просветительские идейные импульсы поступали непосредственно из Италии, Швейцарии и Франции). Примером может служить перевод очень в то время известного произведения — «Телемака» Фенелона, сделанный сербом Стефаном Живковичем, и «Chinki» (Ф. Куайе), переведенного хорватом Т. Благоевичем. Йозефинистские стремления просвещать народ в области сельского хозяйства дошли даже до крестьян. Показательно, что рационалистские идеи в Словении усваивались в результате распространения популярных естественнонаучных идей («сельскохозяйственное объединение» — «Družba za poljedelstvo», деятельность Балтазара Хакета).

Дальнейшее развитие просвещения в странах йозефинизма характеризуется сопротивлением со стороны реакционных политических кругов атеистическим и революционным тенденциям французского Просвещения. Это можно видеть у словенцев И. Копитара и Л. Волькмера, а также и у хорватов, например у Т. Брезовачко («Jakobinsko društvo» аббата Игната Мартиноича является единичным явлением).

П. Н. Берков правильно указывал на то, что особая форма Просвещения в австрийском йозефинизме до сих пор недостаточно изучалась, хотя ее изучению следовало бы уделять больше внимания, тем более, что проблема национальных школ, национального языка, национальной лингвистической и исторической науки, проблема создания основ национального культурного самосознания имела здесь совершенно иное значение, чем у поляков и русских. Я считаю необходимым, — что касается небольших западно- и южнославянских народов, — говорить о просветительской фазе национально-культурного возрождения (*slavenska genesansa*, как говорит М. Прелог), причем происходит постепенное слияние этой просветительской фазы с национально-романтически-классической, а позже реально-идеологической и реалистически-позитивистской.

В заключение следует остановиться на вопросе о литературном характере этой эпохи Просвещения. Сегодня, несмотря на полезные дискуссии на московском и софийском съездах славистов, в частности доклады чешских ученых, как например К. Крейчи, совершенно очевидно, что нельзя говорить о едином стиле литературы Просвещения, о его единой эстетической природе. Наряду со строго рационалистскими произведениями, которые отвечают стилистическим требованиям классицизма, Буало и Готшеда, наряду со следованием Мольеру и Расину, мы находим у каждого славянского народа сентименталистов и идилликов, у которых под влиянием английских, французских и немецких образцов подчеркивается чувство, и, наконец, настоящих классиков в духе Винкельмана, Гете и Шиллера. Как общие славянские литературные признаки этой эпохи я рассматриваю собственно только общие литературные идеалы гуманности и терпимости, проявившиеся в интересе к воспитательным романам типа «Телемака» и «Велч-

зария», известным всем славянам, за исключением болгар, у которых, однако, с запозданием встречаем Г. Чокке (Zschokke); общий чрезвычайно большой интерес славян к Коцебу, Геллерту и Гесснеру.⁸

Существенное различие в эстетическом характере отдельных славянских литератур зависит от того, существовали ли стилистические формы и образцы барокко, которые приходилось преодолевать или модифицировать, как например у чехов, поляков, или приходилось в светской литературе творить «ad terram pastipandam». Другие различия существуют в зависимости от того, в какой мере появлялась относительно богатая классическая литература с высокоразвитой драмой и эпосом в стихах, как это было у русских и поляков, литературная доктрина которых в первые два десятилетия XIX в. в результате интенсивной борьбы разных литературно-эстетических направлений сменилась романтической; в то время как у словенцев, хорватов и сербов получили распространение лишь мещанские трогательные пьесы (Коцебу, Ифланд, Геллерт, Гесснер, Глейм).⁹

Дебаты о романтизме у славян, которые происходят в данное время (А. Флаккер, Эд. Шкреб),¹⁰ не считая старых дискуссий в журнале «Славише рундшау»,¹¹ показывают, в какой мере так называемая «романтическая» литература совсем не имеет романтического характера, в старейшем значении этого слова.

Мы сознаем, что эпоха Просвещения у всех славянских народов знаменует новую фазу вращающегося в общеевропейское движение, также нам следует сознавать, что вместе с культурными достижениями Просвещения был создан новый постоянный фундамент для формирования и выражения национальной культуры у каждого отдельного славянского народа, в зависимости от исторических и социальных условий его жизни.

⁸ J. Matl. Europa und die Slaven, стр. 237, 238, 246, 247.

⁹ О характере поэзии эпохи Просвещения у хорватов см.: J. Matl. Südslavische Studien.—Südeuropäische Arbeiten, № 63, München, 1965, стр. 230, 256, 266, 267. Общие сведения о южных славянах см.: W. Markov. Bemerkungen zur südslawischen Aufklärung.—In: Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten. Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik, № 9. Akademie Verlag, Berlin, 1965, стр. 349—366; Ivo Franješ. Idejna kretanja u južnoslovenskim književnostima XVIII st. (Commission International des Études Slaves). Comité international des sciences historiques. Edizioni di «Ricerche slavistiche», Roma, 1960, стр. 1—15.

¹⁰ A. Flakar—Z. Skreb. Stilovi i pazdoblja. Matica Hrvatska, Zagreb, 1964, стр. 193 и сл.

¹¹ Slavische Rundschau, XI, Jahrgang 11, 1929, стр. 125—239.